

Жизнь, как песня

Правда. — 1987. — 26 мая
Родом из революции: Николай Островский

С Великого Октября, 70-летие которого мы отмечаем, ведет родословную особый сорт людей — «рыцарей без страха и упрека», посвятивших себя высокой цели — беззаветному служению социалистическому Отечеству. Один из них — Николай Островский, автор бессмертных книг «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей». Имя его известно всему миру. Оно стало символом стойкости и непобедимости советского человека, верности революционным идеалам. О Николае Островском по вашей просьбе журналист Е. Гильманов попросил рассказать жену писателя заслуженного работника культуры РСФСР Раису Порфирьевну Островскую.

— В мае 1926 года моя мама получила письмо от своей давнишней подруги. Врачи считают, писала она, что для скорейшей поправки больного сына ему необходимо побыть на юге, и просила принять Колю. Жили мы в рабочем поселке под Новороссийском в крошечном домике. Не скажу, чтобы просьба обрадовала. И одной из причин было то, что даже не сразу удалось решить, где поставить кровать больному — такая была теснота.

Первые впечатления от 22-летнего Островского: высокий и настолько худой, что костюм сидит мешковато. Карие пронизательные глаза подчеркивали бледность лица. Передвигался с трудом, на костылях. Ничего героического. Но я смотрела на парня с нескрываемым интересом. В то время до наших отдаленных мест, конечно, докатывались отголоски больших исторических событий, но все это было где-то далеко, казалось почти не существующим. А тут настоящий, живой пришелец из удивительного нового мира, какой-то необыкновенной жизни.

Поводов для восхищения было множество. Я видела, как Николай мужественно боролся с болезнью, заставлял себя ходить на большие расстояния, чтобы, как он говорил, не дать ногам разбаловаться. Ежедневно на костылях выбирался в город — а это километра три в один конец. Как-то раз, холодной осенью, когда лил бесконечный дождь и под ногами чавкала непролазная грязь, он увидел в продуваемой сквозняками подворотне каной-то непонятный ном, ворох тряпья. Приблизившись, обнаружил, что это спят мальчонка и собака. Беспорочно ручонками прижимал к себе собаку, чтобы не замерзнуть. Таких бездомных детей в сложном водвороте того времени было много. И все к ним привыкли. Но Коля не мог равнодушно пройти мимо, взял их с собой. Признаться, с его стороны это было рискованно. Ведь сам-то жил у нас, что называется, на птичьих правах. Да и о нем слышала, что он немыслимо тесноте у уже говорившей. Ну собака особых забот не требовала. А за мальчонком-то уход нужен! Это сейчас нам, горожанам, принять душ — минутное дело. Тогда же простое мытье превращалось в событие: и дров манолоть, и воду наносить, и вскипятить ее... На дворе была поздняя ночь, после тяжелого рабочего дня все спали. Но без купанья нельзя было: мальчуган грязный, сквозь лохмотья виднелось тело, искусанное насекомыми, расчесанное до крови. Словом, первым делом сожгли его одежку. Потом искупали. И такой хороший мальчишка оказался, загляденье! Даже сейчас спокойно не могу вспомнить, как от счастья у него засыпали глаза... Ему еще не верилось, что он в тепле, среди добрых людей, под надежной кровлей. Может быть, тогда я и полюбила Островского за доброту.

Островский был предельно честным, искренним, быстро сходился с людьми, мгновенно располагал их к открытости. Его не устраивала никакая половинчатость. Честность, бескомпромиссность, цельность помогли ему перебороть и ми-

нуты душевной слабости, когда он выстрелом из браунинга хотел расчитаться с «предательским телом» (к тому времени, несмотря на лечение, оно совсем перестало его слушаться). Эти минуты ожили потом в романе «Как закалялась сталь». Вспомните: Корчагин медленно вытаскивал револьвер и увидел, как «дуло презрительно глянуло ему в глаза». И тогда он сказал себе: «Это самый трусливый и легкий выход из положения. Все ли ты сделал, чтобы вырваться из железного кольца? Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой. Сделай ее полезной».

Островский твердо решил бороться до конца. «Ты не волнуйся. Со мной до самой смерти ничего не случится». И я знала, что так и будет.

Коля очень любил Маяковского. Многие его стихи часто читал наизусть, вслух. Но так и не смог простить ему самовольного ухода из жизни. Владимир Владимирович, по словам Островского, при своем могучем здоровье так много мог бы еще сделать!

У самого Николая под подушкой на уровне руки, чтобы в любую минуту можно было достать, всегда лежал заряженный браунинг. Время от времени я его разбирала, чистила, смазывала, заряжала. Я-то хорошо помнила, чем был для него пистолет, выданный еще в 1923 году, в период беспощадной борьбы с контрреволюционными бандами, — верным другом, живой, осязаемой, предметной связью с боевым прошлым. Уже прикованный к постели, Николай говорил, что с оружием всегда чувствует себя наполовину бойцом. Поэтому, когда меня спрашивают: «Ну как вы могли допустить, чтобы рядом с ним всю жизнь пролежал заряженный пистолет? Какое вы имели право оставлять с ним оружие?» — признаюсь, для меня эти вопросы и теперь странно звучат.

Меня часто спрашивают: как у Островского появилась мысль написать книгу? Когда началась наша первая трудная зима в Новороссийске, длинными снежными вечерами мы подолгу просиживали у постели Николая. Чтобы как-то занять нас, он рассказывал захватывающие истории из своего недавнего прошлого: как воевал в частях Красной Армии с белополяками, как был ранен, как строил узкоколейку под Киевом... Правда, боясь показаться хвастливым, старался втиснуть мысль, что многие из этих событий касаются не его лично, а другого человека. Он видел, с каким интересом мы слушали, и, как признался позднее, тогда у него и возникла мысль составить из этих эпизодов повесть для молодежи.

Пока он еще видел, в трудные для себя минуты всегда читал «Кобзаря» Т. Шевченко. Особенно любил поэму «Катерина». Никогда не расставался с этой книгой, повсю-

ду возил с собой. От постоянного чтения она истрепалась, осталась без обложки. (Сейчас книга хранится в музее Островского). Когда боль становилась непереносимой, начинал петь любимые песни на слова Шевченко: «Дивлюсь я та небо...», «Як умру, то поховайте» и многие другие. Говорил, что помогают хотя бы на время вернуться в те дни, когда он был полным сил и здоровья парубком. Я-то знала, придя с работы, что если звучат песни, значит ему плохо. Но он ни разу не пожаловался, словом не обмолвился о плохом самочувствии. Ни разу! Или терять от боли сознание, или шутил и пел. Даже когда силы совсем покинули его, жизнь уходила. У нас тогда дежурили врачи. Были испробованы все средства. Ничего не помогало. И он знал это. Даже в последнюю ночь Николай меньше всего думал о себе. Говорил о матерях. Последними словами были: «Береги мать!»

Он постоянно изучал жизнь-нерадостность. Знаете, когда после рабочей смены я возвращалась домой, невольно убивалась шаг. И при мысли о том, что скоро увижу его, поднималось настроение. Ведь дома меня ждало совсем не уныние, как это кое-кому кажется, не тоска, не жалобные. Нет! Меня ждала только радость! Меня всегда дождался светлый и озорной человек. Меня ждало счастье!

Мне всегда кажется чудным, когда, спрашивая о Николае, иногда говорят: «Ах, какой он несчастный». Не замечал этого и наш друг венгерский писатель Мате Залка, известный как легендарный генерал Лукач, который впоследствии погиб за республиканскую Испанию. Бывая у нас, он с Николаем часто спорил. И порой говорили на таких повышенных тонах, что я, честно говоря, побаивалась ссоры. Даже сквозь закрытую дверь на всю квартиру было слышно, как богатырь Мате Залка ходит по комнате и что-то горячо доказывает. А Островский возражает, ни за что не уступает. Но, вообще-то, они очень любили друг друга. В чем-то были похожи — у обоих сердца были горячие, беспокойные.

Островский ни на день, ни на час не терял связи с большим миром, окружающей жизнью. Слепой, с жадностью слушал, когда ему читали свежие газеты. А какая была радость, когда появился радиоприемник! Меня всегда удивляло, как он все время пытался узнать события самого рядового дня — до мельчайших подробностей, которые, на мой взгляд, ничего не значили. Со временем убедилась: все это ему было нужно

не из праздного любопытства. Нет! Интерес к судьбе страны был у него в крови. Он жил каждым ее часом. Первая пятитетка была огромным историческим событием. И как он это чувствовал! Говорил — это первая ступенька к могуществу, которое никому и не снилось. Рисовал захватывающие картины новой жизни, и я даже отказывалась ему верить. А ведь почти все сбылось!

Многое в его жизни значили письма. Особенно от боевых друзей юности. Каждому он радовался, как ребенку. И обижался, если кто-то переставал писать. А такое, как ни грустно, случалось. Особенно в самое тяжелое для него время — в 1928 году, когда появились признаки слепоты и он навсегда оказался прикованным к постели. Но, мне кажется, еще больше он переживал, когда после выхода книги «Как закалялась сталь», точно по мановению волшебной палочки, эти же люди загалдели: «А вот я с ним!.. А вот мы с ним!..»

А в том, 1928-м, нам было тяжело. Карточная система. Николай получал пенсию по инвалидности 35 рублей. Прокормить на них даже одному было трудно. А у меня не было возможности работать — мы жили в Сочи, я занималась лечением Островского. Оставлять его одного стало небезопасно. И вот в таком положении мы пошли, как он говорил, на «преступление». Брак у нас еще не был оформлен, я носила девичью фамилию, и Островский записал меня своей домработницей. А домработнице уже полагалась карточка. Это, кстати говоря, единственное «преступление» в жизни Островского.

Перебирая перипетии того года, я думаю, выжили мы благодаря поддержке «старой гвардии», как называл Островский истинных своих друзей. Большевики Александра Алексеевна Жигерева, Хрисанф Павлович Чернокозов, Иннокентий Павлович Феденев прошли через царские тюрьмы и ссылки. Встретились они Островскому в южном санатории. Это были люди общей судьбы. К Николаю отнеслись с отеческой добротой и участием, были так ему дороги, так много для него значили, что даже в книгу вошли под своими именами.

Когда мы в Сочи жили на одну карточку, да к тому же были бездомными, именно Александра Алексеевна на свои небольшие деньги сняла нам комнату на целых два месяца. Это был подарок, о котором не мечталось.

Человеческую чуткость проявил к нам и секретарь Социнского горкома партии Вольмер. Ну кем был для него Николай? Обыкновенный больной, каких в Сочи имелось сколько угодно. Но он нашел время прийти к Николаю и предпринял все, чтобы мы получили пусть плохенькую, но все же жилищлощадь.

А как много сделали друзья, чтобы книга «Как закалялась сталь» обрела жизнь. Полностью подготовленную рукопись Островский дал прочитать старым большевикам. И сколько было радости, когда пришел взволнованный Феденев: «Коля, надо печатать. Книга очень нужна! Всем нашим товарищам понравилась». Ли-

тературоведы об этом говорят мало, но для Николая то была самая важная оценка, потому что исходила от людей, мнением которых он больше всего дорожил. Ведь эти люди и были для него плотью, кровью и совестью революционной эпохи, которую он запечатлел в романе.

На друзей Островскому везло. Всех, кто поддерживал и помогал ему в нелегком писательском труде, и перечислить трудно. Все же назову фамилию заведующего портретной библиотекой Новороссийска Дмитрия Хоруженко. По просьбе Островского, нарушая строгие библиотечные правила, он щедро снабжал нас книгами. Хоруженко никогда не забывал Николая, писал ему письма. Сейчас он живет в Краснодаре. Интересная деталь: когда из музея Островского к нему приехали сотрудники, выяснить, нет ли еще материалов, касающихся дружбы с автором Павки Корчагина, то оказалось, что в райкоме партии с удивлением узнали, что он большой друг писателя. Скромный человек!

На встречах с читателями иногда мне говорят: Островскому повезло со спутницей жизни. Я злюсь на это, потому что повезло мне. Еще до знакомства с Николаем столько видела несчастных браков и женского горя, что не верила в счастливые семьи. А Николай с первых дней покорила меня чуткостью, постоянным вниманием. Он мне так много давал! Одна мысль о нем гре-ла! Я ни на минуту не чувствовала себя одинокой, а ведь многие женщины как раз от этого чаще всего страдают. За почти десятилетнюю совместную жизнь я ни разу не услышала от него ни одного грубого слова.

Что касается моего участия в создании книги, то оно видится мне незначительным. Книга в нем сложилась до меня, уже была жива. Разве, может быть, трудностей у него без меня было бы больше, но от своей цели он ни за что бы не отступил. Как не отступал при самых серьезных испытаниях, которые ему подбрасывала жизнь и помимо болезни. Например, когда в один из летних дней 1930 года в Сочи он узнал, что во время проверки партийных рядов, пока в критическом состоянии лежал в московской клинике, его исключили из ВКП (б). Это был страшный удар! Он крепко подкосил его. На какое-то время полностью был выведен из строя. А ведь он тогда уже напичканно работал над книгой. И все же голову не повесил. Твердо решил, что отстранить

его от партии невозможно, и продолжал считать себя ее надежной действующей частью. В конце концов ошибку исправили.

Однако радостных дней у Островского было больше. Он был счастлив, когда получал письма, приходили друзья, когда продвигалась работа над рукописью, когда вышла «Как закалялась сталь», когда был принят в Союз писателей и держал в руках членский билет, подписанный А. М. Горьким, когда был награжден орденом Ленина, выступал по радио на 9-м съезде комсомола Украины, когда взялся за книгу «Рожденные бурей». И, конечно же, всегда был счастлив, когда видел, что нужен людям.

После выхода книги «Как закалялась сталь» со всех концов страны посыпались сердечные письма. В Московском почтамте пришлось создать специальный штат почтальонов, доставлявших почту Островскому. Часто на конверте значилось: «Москва. Павке Корчагину». Некоторые из писем помню слово в слово. Одно, к примеру, начиналось: «Тому, кто сделал меня человеком». И дальше: «Эти строки пишет тот, кого Николай Островский, сам не зная того, сделал человеком. Я — бывший вор. Однажды в украденном мной чемодане мне попалась книга «Как закалялась сталь». И когда я невзначай прочел первую страницу, то уже не мог от нее оторваться. А когда я прочел ее всю, тогда узнал, за что отдал свою жизнь этот человек, то все во мне перевернулось: мне стало стыдно за то, как я живу, за то, что я никому не нужный человек. После этой книги я дал себе слово жить честно и быть хотя бы немного похожим на Островского. И слово это я сдержу. Сейчас работаю на строительстве метрополитена. Своим счастьем я обязан Островскому. Пусть знают все, что если надо будет, то я и много таких же, как я, будем так же драться с врагами, как дрался с ними Н. Островский...»

Немало хороших слов о том, как Павка Корчагин помогает громить фашистов, я слышала от бойцов и командиров, когда с А. Серафимовичем и Б. Пастернаком в ноябре 1943 года выезжала на фронт.

...Вспоминаю, как один мудрый, много повидавший на своем веку писатель, анализируя истоки непрекращающегося интереса к Николаю Островскому и его героям, сказал: «Талантливых литераторов у нас в стране много. А Островский на весь мир один».

На снимке: Николай Островский с женой Раисой. 1935 год.